

Все-таки как часто случается то, что литераторы называют «скреещение судеб»! В августе 91-го я отдыхала в санатории в подмосковном Болшеве. Мы жили в старом деревянном корпусе, в сосновом лесу. Ступеньки скрипели, ветер шумел, по ночному шоссе чуть в стороне проносились редкие машины... Это был исторический август, и только первая неделя прошла у нас спокойно. И в эту неделю я все пыталась узнать, где жила в Болшево Марина Ивановна Цветаева с семьей. Работники санатория и местные жители этого не знали.

Неожиданно выяснилось, что здесь, и именно в этом корпусе, лечились в разное время после инфаркта Анна Ахматова и Борис Пастернак!

История жизни Цветаевой в Болшево теперь изучена очень хорошо. Приезд в СССР, тяжелый быт, слезка, подозрения, потом арест Али, Сергея Эфрона, Клепининых... В доме, куда их поселили, теперь музей, а тогда многие еще даже не знали о его существовании.

«Болшевская катастрофа — кульминация и узел трагедийных судеб семьи Марины Ивановны Цве-

таевой. Она имеет давние истоки», — пишет Надежда Ивановна Катаева-Лыткина в своей статье «145 дней после Парижа»¹. Представлять ее здесь вряд ли нужно. Человек-легенда, врач, искусствовед, фронтовик. Она спасла, сохранила дом в Москве, в Борисоглебском переулке (тогда улица Писемского), в котором Марина Цветаева жила восемь лет. Создала музей и была его первым руководителем вместе с Эсфирью Семеновной Красовской.

Надежда Ивановна нашла с помощью друзей и дом в Болшево.

«Отыскала я этот дом с трудом. Считалось, что он уничтожен. Но дом уцелел. Я подружилась с теми, кто живет в нем сейчас. Записала их рассказы, рассказы соседей бывших и теперешних. Отыскала соучеников по болшевской школе сына Цветаевой — Георгия. Расспросила героев Испанской войны

¹ Мой путь в «Маринин дом». Альманах «Под сенью оливы» / сост. Н. Савельева, Ю. Пустарнаков. М.: Олива, 2012. Вып. 7. С. 42.

и Французского сопровитвления, знавших семью Эфрон-Цветаевых... и общих друзей, приезжавших из Чехословакии и Парижа. Сопоставила услышанное с публикациями французских газет 1937–1939 годов и воспоминаниями очевидцев, опубликованными за рубежом...»¹.

В Болшево Марина Цветаева прожила пять месяцев — с 19 июня по 10 ноября 1939 года.

В письме Анне Тесковой² из Парижа от 31 мая 1939 года Цветаева назвала Болшево деревней: «Отложу до деревни. Там — сосны, это единственное, что я о ней знаю»³.

Болшево не было ни деревней, ни уединением, для семьи Марины Цветаевой это дачное место стало условным заключением. Дачи поселка за путями железной дороги назывались «Новый быт». Это были дачи НКВД, казенные дачи Госбезопасности. Еще их называли дачами Экспорттеса или Жургаза.

Дачи эти были, с одной стороны, неприметными, с другой — наоборот, на слуху. Но найти этот поселок в августе 91-го мне не удалось.

И здесь же, в Болшево, снимала комнатку Ксения Александровна Некрасова, гениальный поэт с невероятно трагической судьбой.

Анна Ахматова писала, что на свете она знает лишь двух гениальных женщин: Марину Цветаеву и Ксению Некрасову.

Удивительно, что обе они обитали в Болшево, но с разницей в десять лет, и пути их не пересеклись. В Болшево проживал также Сергей Николаевич Дурылин, историк литературы, искусства, поэт, критик. Тихая дачная станция вошла в историю литературы.

Как жила в Болшево Ксения?

Однажды Фальки⁴ приехали в гости к Дурылину. Зашли и к Ксении. «Изба, совсем маленькая, в два окошечка. На стук вышла хозяйка, старушка: “Ксюши дома нет. С утра в Москву уехала. Да вы заходите! Она в горнице, а я на кухне. Так и живем”. “Горница” представляла собой часть избы, отгороженной от кухни дощатой перегородкой. У окошка — чисто выскобленный стол, на нем папка, пузырек с чернилами, глиняная плошка. В ней две вареных картофелины “в мундирах”. На листочке бумаги возле — горсть се-

¹ Там же.

² Анна Антоновна Тескова (1872–1954) — чешский друг Марины Цветаевой, преподавательница женской начальной школы, переводчица, деятельница Общества чешско-русского единения (Cesko-ruská jednota).

³ Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой / предисл. А. Главачека, сост., подгот. текста, коммент. Л. А. Мнухина. Муниципальное учреждение культуры «Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшево», 2008. С. 498.

⁴ Художник Роберт Рафаилович Фальк (1886–1958) и его жена Ангелина Васильевна Щекин-Кротова (1910–1992).

рой соли, деревянная ложка, кухонный нож. На широкой лавке свернутый войлочек, тощая подушечка в ситцевой наволочке. На гвоздике у двери висит одно пальтишко. И очень чисто, ни соринки» (из воспоминаний Ангелины Щекин-Кротовой, вдовы Р. Р. Фалька)⁵.

Старушка пустила к себе Ксению за писательский паек, выхлопотанный Анной Ахматовой.

У Анны Андреевны Ксения Некрасова жила в Ташкенте в эвакуации. Это было счастливое стечение обстоятельств. Ахматова опекала и содержала бездомную Ксению, высоко ценила ее талант, выслушивала насмешки по поводу их дружбы. Благодаря Ахматовой Ксения получила тот самый писательский паек, а позже — и комнату, где успела прожить только восемь дней. В 44-м Анна Ахматова проводила Ксению в Москву с рекомендацией для Союза писателей, куда Ксению так и не приняли, и этого удара она пережить не смогла.

О Ксении Некрасовой. Вероятно, кто-то слышит это имя впервые.

Одно из самых тихих имен в поэзии XX века. Уникальное явление в русской лирике — диковинное, одинокое, не вмещающееся ни в какие рамки и не укладывающееся в литературные термины. Яркий, сильный, по мнению многих ее почитателей и исследователей, гениальный поэт. Писала она естественно, как дышала. Ее верлибры берут начало в фольклорной традиции, они близки наивной живописи. Стихи Ксении Некрасовой мудры и прекрасны, а судьба тяжелейшая, как и у большинства поэтов.

Она всем рассказывала о своем «великолепном детстве»: «Отец был горным инженером. Жили между Ирбитом и Шадринском, вблизи Егоршинских каменных полей...» На самом деле подлинная ее автобиография такова: «Родилась в 1912 году. Родителей своих не помню. Взята была из приюта семьей учителя на воспитание...»

Из раннего детства ей запомнилось, что иногда к ней приезжала очень красивая, хорошо одетая дама, привозила дорогие подарки. Кто эта дама — ей не говорили.

Потом она помнила эпизод: ее, маленькую, привели в лесной скит, где собралось много народу. И священник, подняв ее на руки, крестил ею толпу.

Позже ей кто-то сказал, что она — дочь Григория Распутина или одной из дочерей царя Николая... У нее двойное имя — Ксения-Татьяна.

Юность ее прошла на Урале. Окончила семилетку, училась в педтехникуме, потом служила культработником на Уральском заводе тяжелого машиностроения.

⁵ <https://obiskusstve.com/853468574995712864/o-ksenii-nekrasovoj-chast-1>

В 1935 году Свердловский обком комсомола направил Ксению учиться в Москву, в Литературный институт.

В тридцать седьмом вышла первая подборка стихов Ксении Некрасовой в журнале «Октябрь». Предваряя ее, Николай Асеев¹ отмечал своеобразие ее дарования, «четкость и ясность ее строк... при сохранении почти детской их простоты». Он писал: «Глубокий оптимизм наблюдения, изучения явлений, свойство видеть великое в малом, подчеркивание значительности всего живого, входящего в наш советский быт, пейзаж, чувство и мысль — вот идея Ксении Некрасовой».

Печатали Ксению и в других изданиях. Но окончить институт ей не удалось — началась война. Вместе с войной пришло горе. С мужем, горным инженером, и грудным сыном Тарасиком они ехали в эвакуацию. Когда начали бомбить, всех ехавших высадили в поле, и осколком — прямо у Ксении на руках — убило ее сынишку. Муж вскоре сошел с ума. Ксения же после всего пережитого получила травматический энцефалит и уже больше не могла работать. Руки не слушались ее. Отсюда этот детский почерк, неровные строчки, грамматические ошибки. Отсюда незащищенность и простодушное доверие к миру. Впрочем, качества эти были присущи ей всегда.

А стихи, дивные ее стихи! Необычные, сочные, очень русские. В красочных ее фантазиях есть что-то от лубка, речитатива, народной сказки.

И цветет рябина
горьким белым цветом
у окна покинутой жены.
На ветвях рябины
почему-то птицы
гнезд не вьют весенних,
песен колыбельных
не свистят в листе...
И стоит рябина
вся в цветах горючих,
белыми букетами
украшая ветви,
тонкая, высокая,
грому непокорная,
пред лицом соседей
горечь одиночества
пряча у корней².

Ее талант высоко ценили Михаил Светлов³, Юрий Олеша, Алексей Толстой, Яхонтовы⁴, Коненковы⁵, семья Фальков.

Михаил Пришвин писал в дневнике, что у Ксении Некрасовой, «у Хлебникова и у многих таких души сидят не на месте, как у всех людей, а сорваны и парят в красоте».

Но жизнь жестока. Ксению Некрасову нередко принимали за сумасшедшую, сторонились ее, гнали от себя. Многие из гонителей, прекрасно понимая, что перед ними гениальный поэт, не могли справиться со своей гордыней, своим благополучием. Бедно одетая, почти всегда голодная, Ксения вызывала у них брезгливую жалость.

Однажды в редакции «Нового мира» Маргарите Алигер⁶ показали верстку стихотворения Ксении Некрасовой, и оно очень ей понравилось. Она сказала об этом вслух, но когда заведующая отделом поэзии предложила сказать то же самое автору, Алигер отказалась: «Но вообще-то ведь это совсем разное: стихи и их автор. Я с ней общаться не умею. Не получается как-то... Все-таки она...

И, не задумавшись, с размаху, я произнесла то самое слово, которое в просторечье звучит достаточно грубо и вульгарно, ибо люди охотно пользуются им всуе и давно уже затерли и затрепали ту возвышенность, то изумление души, тот священный трепет, который вложил в него однажды и навеки великий русский писатель.

И вот оно слетело с моих губ, это жестокое слово, еще и упрощенное женским окончанием, прозвучав в переполненной комнате достаточно громко и слышно, и что-то вдруг дрогнуло и изменилось в лице моей собеседницы, и тотчас же я словно всем своим существом ощутила, что в комнате что-то случилось, что-то ужасное, что-то непоправимое. Испуганно оглянувшись, я увидела, как много вокруг народу, и поняла, что все эти люди слышали ужасное слово и что этого уже не поправишь, и в тот же миг я увидела, что через всю комнату, сквозь расступившуюся толпу, прямо на меня идет Ксения. И, встретившись с моим взглядом, она тотчас же улыбнулась той самой большой, доброй улыбкой, которой всегда улыбалась мне в подмосковной электричке (Алигер и Некрасова часто встречались в болшевской электричке. — Н. С.).

³ Михаил Аркадьевич Светлов (1903–1964) — русский советский поэт и драматург.

⁴ Актер и чтец Владимир Николаевич Яхонтов (1899–1945) и его жена режиссер Еликонида Ефимовна Попова-Яхонтова (1903–1964).

⁵ Скульптор Сергей Тимофеевич Коненков (1874–1971) и его жена Маргарита Ивановна Коненкова (1895–1980).

⁶ Маргарита Иосифовна Алигер (1915–1992) — русский советский поэт.

¹ Николай Николаевич Асеев (1889–1963) — русский советский поэт, сценарист, деятель русского футуризма, входил в состав правления Союза писателей СССР.

² Некрасова К. А. Стихотворения. М.: СЛОВО/SLOVO, 1997. С. 72.

Сказать, что я растерялась, это значит ничего не сказать, — с горечью вспоминает М. Алигер. — Сказать, что я пришла в ужас, это тоже очень мало и бледно. Я не помню в жизни своей какой-либо хоть отдаленно похожей минуты. У меня словно железом перехватили горло, и из глаз брызнули слезы...

— Ксения... Ксения... Ксения... Простите, простите меня! — лепетала я, задыхаясь от стыда, от муки, от страдания...

Я схватила ее за руку, я готова была прижать к губам эту плотную, широкую, чистую ладонь, и она не отнимала ее, продолжая улыбаться. И вдруг сказала громко, просто и отчетливо:

— Спасибо вам. Спасибо, что вы так хорошо говорили о моих стихах.

И были в этих словах такая чистота и отрешенность, такое покойное и непобедимое человеческое достоинство, такая высокая сила духа, которые я никогда с тех пор не могу ни забыть, ни утратить...»¹.

Да, порой она выглядела нелепо, странно. Ей негде было ночевать, и иногда она не хотела уходить из понравившегося ей дома. Просила, чтобы ее накормили. Радовалась каждому доброму слову, каждому крохотному подарку. Стихи ее практически не печатали.

В то же время многие ее уважали, даже побаивались. Острого ее языка, откровенных высказываний, непосредственности. Ее считали юродивой, а юродивые, эти чистые души, как известно, всегда говорят только то, что думают. А правда приятна не для всех.

Конечно, Ксении помогали, но мало кто думал о ее судьбе по-настоящему.

Когда стало совсем невмоготу, она написала письмо Поскребышеву. Как страшно читать эти пляшущие строчки! Вся жестокость мира, жестокость сильных в их превосходстве над слабыми, убогими, просто не такими, как все, снова встает перед нами. И ничем уже не поможешь.

«В 1948 году меня перестали печатать, объясняя свой отказ тем, что стихи, написанные белым стихом, будут не понятны массам, что они больше относятся к буржуазным, то есть к декадентской западной литературе, а не к нашей простой действительности... Несколькими лет мне ставят нелепые барьеры, и я бьюсь головой о стенку...»

Из записки Симонову: «Константин Михайлович, я гибну, одной не выбраться. Помогите мне, пожалуйста...»².

В конце жизни короткое счастье все же улыбнулось Ксении Некрасовой. Она родила мальчика, мечтала о том, как им будет хорошо вместе. Но жить

по-прежнему было негде, и Кирюшу пришлось на время отдать в детдом. Желанную комнату дали совсем незадолго до ее смерти. Ксения не успела привезти туда сына. Однажды, возвращаясь домой, она почувствовала себя плохо и упала на лестнице — не выдержало сердце. Было ей всего сорок шесть лет.

...Передо мной три маленькие книжечки Ксении Некрасовой: первая, прижизненная «Ночь на баштане» (1955), «А земля наша прекрасна!» (1958), вышедшая уже после ее смерти, и «Мои стихи» (1976). В те времена понимали толк в поэзии. Книжки миниатюрные, простенькие, но сделаны с большим вкусом.

Потом наступило длительное затишье. Неожиданной радостью стал выход очень содержательной, очень красивой книги, в которой, кроме стихов, великолепные фотографии — в прежних изданиях их не было — и воспоминания (Москва, издательство «Слово», серия «Самые мои стихи», 1997).

«Мой современник нежный», — обращалась Ксения Некрасова к людям своей эпохи. А мы? Слышим ли мы чистый голос большого русского поэта?

Как многое и о многих, я узнала это имя от Надежды Ивановны Катаевой-Лыткиной. Она видела Ксению, которая приходила в семью Коненковых и жила у них. Надежда Ивановна общалась с Коненковыми в 50-е годы. Скрещенье судеб, повторю, не просто слова, оно было везде и постоянно. В конце 90-х Надежда Ивановна просила меня и мою подругу Аню Панфилову найти сына Ксении Кирилла. Но мы не знали, где его искать.

В последнее время, начиная со столетия Ксении Александровны в 2012 году, появилось много новых материалов о ней. Фотографии, портреты, документальные свидетельства, анализ творчества. Я не знала, что есть у нее и прозаические, дневниковые записи. Читала их, поражаясь остроте наблюдений, лаконичности, мудрости, изяществу стиля.

* * *

Подымается новая сила — жадно поедающая и мороженое, и белый хлеб, и всякую дорогую и дешевую пищу с одинаковым усердием. Хватающая шелк, ситец, панбархат, корыта, кровати, зеркала, тубаретки, душегрейки, резиновые сапоги, с энергией, мощь которой не проверена, не измерена, набрасывается эта сила на леса, реки, горы и озера.

* * *

Толпе, массе — свойственно воспринимать, впитывать в себя великие идеи и настоящее прекрасное, как земле дождь. И если сказанное по-настоящему велико, то простые люди пойдут за ним куда угодно и как угодно.

¹ Некрасова К. А. Стихотворения. М.: СЛОВО/SLOVO, 1997. С. 84–85.

² Там же. С. 79.

Моими учебниками являются совершающиеся факты на улицах и в зданиях Москвы. И размышляя о виденном мною, я обыкновенно рассматриваю репродукции картин, где художник берет какой-нибудь характерный в определенное для времени мгновение факт и изображает его в образе, дает ему лицо, фигуру, платье и обстановку.

Каждое мгновение существования факт — есть существование в определенном образе мысли, меняется факт — меняются мысли. И только живопись может одеть мысль и поставить ее пред живущими в одном состоянии на веки веков. Вот поэтому я и учусь беспрестанно у свершившихся фактов на улицах и в зданиях Москвы и у мировой живописи старых и современных мне художников — отсюда и нужно исходить, если хочешь понять мои стихи.

(И в завершение — записи, сделанные в поезде по дороге в Ялту. Все мы ездили этими поездами — до Симферополя или Феодосии. — Н. С.)

* * *

Море требует, чтоб на него смотрели
И когда ты в молчании постоишь
Поглядишь на него
Море разрешит полюбить себя
И останется в сердце твоём.

* * *

Круглые шары паразитов съедают деревья (пригород Харькова).

* * *

Торчат кое-где на пашнях немецкие деревянные кресты. Появились пирамидальные тополя. Преобладает чернолесье. Вокзал Харькова. Две молодые стрелочницы с флажками встречают поезд. Гордые и румяные, как адмиралы.

Гора

Медвежья гора
Печально-одинокая гора
Она предстала предо мной
Отвергнутая прочими хребтами
Стояла в море
И облако дымилось на челе
И солнце отражалось в море
Похожее сиянием
На полотенце.

Листья у всех растений в месяц февраль как кожаные. Земля — почва — великолепного коричневого цвета и напоминает цыплячий пух.

Огромное дерево называется «волчьи ягоды».

Люди, живущие среди зеленой благодати, лишены восхищения. Не так, как москвичи радуются каждой веточке¹.

СТИХИ ЯРОСЛАВА СМЕЛЯКОВА²

Ксения Некрасова³

Что мне, красавицы, ваши роскошные тряпки,
ваша изысканность, ваши духи и белье? —
Ксения Некрасова в жалкой соломенной шляпке
в стихотворение медленно входит мое.

Как она бедно и как неискусно одета!
Пахнет от кройки подвалом или чердаком.
Вы не забыли стремление Ксюшино это —
платье украсить матерчатым мятым цветком?

Жизнь ее, в общем, сложилась не очень удачно:
пренебреженье, насмешечки, даже хула.
Знаю я только, что где-то на станции дачной,
вечно без денег, она всухомятку жила.

На электричке в столицу она приезжала
с пачечкой новых, наивных до прелести строк.
Редко когда в озабоченных наших журналах
вдруг появлялся какой-нибудь Ксенин стишок.

Ставила буквы большие она неумело
на четвертушках бумаги, в блаженной тоске.
Так третьеклассница, между уроками, мелом
в детском наитии пишет на школьной доске.

Малой толпою, приличной по сути и с виду,
сопровождался по улицам зимний твой прах.
Не позабуду гражданскую ту панихиду,
что в крематории мы провели второпях.

И разошлись, поразъехались сразу, до срока,
кто — на собрание, кто — к детям, кто — попросту пить,
лишь бы скорее избавиться нам от упрёка,
лишь бы скорее свою виноватость забыть.

1964

¹ Журнал «Знамя», № 1, 2012. <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/1/c11.html>

² Ярослав Васильевич Смеляков (1913–1972) — русский советский поэт, критик, переводчик.

³ Некрасова К. А. Стихотворения. М.: СЛОВО/SLOVO, 1997. Форзац.

СТИХОТВОРЕНИЯ КСЕНИИ НЕКРАСОВОЙ

* * *¹

Из года в год
хожу я по земле,
и за зимой зима
проходит под ногами,
и день за днем гляжу на снег
и наглядеться не могу снегами...
Вот и сейчас
На чернотволье лип
снег синей молнией возник.
О, сердце у людей, живущих здесь,
Должно оно любезным быть
от этих зим.
Прозрачным быть оно должно
и совесть, белую, как снег,
нести в себе.
Шел белый снег
на белые поляны,
и молнии мерцали на ветвях...

ИЗБА²

В доме бабушки моей
печка русская — медведицей,
с ярко-красной душой —
помогает людям жить:
хлебы печь,
да щи варить,
да за печкой
и на печке
сказки милые таить.

ПЛАТЬЕ³

Мне подарили
бархатное платье.
А раньше
два только платья
было у меня:
льняного полотна
и шерстяное.
Мне подарили бархатное платье.
Я тут же
и примерила его,
и в зеркало увидела себя.

Средь отраженного окна
гранитный высился дворец,
пушистый звук
серебряных снегов,
в замерзших окнах
люстры тлели,
росли березы у стены.
И чудно было сочетание:
я в платье бархатном,
дворец
и белый снег
в ветвях и на земле.
Такой казалась я себе
нарядной!
И с этим чувством
шла я по Москве.
И все идущие
навстречу мне
несли на обновленных лицах
светинку радости моей.
И что-то мне
хотелось людям дать —
добро ли совершить
иль написать стихи.

РУБЛЕВ. XV ВЕК⁴

Поэт ходил ногами по земле,
а головою прикасался к небу.
Была душа поэта словно полдень,
и все лицо заполнили глаза.

¹ Там же. С. 26.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 64. Еще один сборник стихов Ксении Некрасовой — «В деревянной сказке». Стихотворения. М.: Художественная литература, 1999.